

В.Ю. Васечко

Максима «коммунизма» в этическом кодексе Роберта Мертона и ее действие в эпистемологическом дискурсе традиционного общества

Васечко Вячеслав Юрьевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт философии и права Уральского отделения РАН. Российская Федерация, 620137, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16; e-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

В статье рассматривается одна из максим кодекса научного этоса, сформулированного в 1942 г. Р.К. Мертоном, а именно «коммунизм» (переводимый также как «коммунализм» и «коллективизм»). Хотя кодекс Мертона был выведен на основании исследования взаимоотношений в среде европейских ученых, начиная с XVII в., автор обосновывает возможность применения этой максимы для характеристики коммуникации, складывающейся между субъектами эпистемологического дискурса в традиционном обществе, в первую очередь, в цивилизациях древнего и средневекового Востока (древние Египет и Вавилон, Индия, Китай, арабо-мусульманский мир). Эпистемологическое измерение «коммунизма» оказывается релевантным при условии допущения существования исследовательской коммуны – сообщества исследователей, объединенных общими когнитивными и профессиональными установками. Эта коммуна охватывает не только реально живущих людей, выступающих в различных когнитивных ролях (первопроходцев, комментаторов, экспертов, аналитиков или популяризаторов), но и лиц, представленных виртуально. Последними выступают либо авторы сохранившихся сочинений, определяющих формат и проблемное поле исследуемого эпистемологического фрагмента, либо будущие продолжатели исследования, которые подключатся к нему спустя некоторое время. Нарушения этических принципов, имплицитно предполагаемых этой максимой (таких, как полное взаимное доверие и равноправие между участниками исследования, уважение к достигнутым другими результатам, приоритет общих целей над личной конкуренцией и т.д.) воспринимаются как измены духу науки и поведению, достойное порицания. Несмотря на межличностные и межгрупповые конфликты, сопровождающие исследовательскую работу, взгляд на знание как на общую, коммунальную собственность содружества ученых или,

в крайнем случае, данного их коллектива, является важным фактором результативности научных поисков, а приватизация знания и его тотальное засекречивание, характерное для периодов научного застоя, сопровождается разрывом контактов между субъектами дискурса и угасанием интереса к кардинальным, прорывным, новаторским эпистемологическим проблемам.

Ключевые слова: нормы научного этоса, Р.К. Мертон, эпистемологический дискурс, традиционное общество, коммунизм, исследовательская коммуна, невидимый колледж, кумулятивизм

Введение

Этические проблемы науки и, в частности, взаимоотношения между людьми, сделавшими для себя жизненным приоритетом получение истинного знания относительно того, как устроен, как изменяется и как эволюционирует окружающий нас мир, возникли не сегодня и не вчера. Уже с первых шагов эпистемологического дискурса, развернувшегося в ранних цивилизациях¹, субъекты когнитивной деятельности оказываются перед проблемами коммуникации не только с влиятельными экстернальными центрами силы (административно-управленческий аппарат, иерократия, просто те или иные авторитетные персоны), но и между собой. Исполняя в повседневной жизни определенные социальные роли (жреца, придворного, администратора, советника правителя, если не самого правителя, или, на худой конец, обычного частного лица), ученый как представитель той коллаборации, основная социокультурная функция которой – объяснение устройства мироздания, оказывается и объектом, и субъектом действия тех норм, что обеспечивают эффективный поиск объективных истин и конструирование на их основе адекватной картины мира.

Хотя в традиционном обществе ученые не составляют закрытой касты или обособленного сословия с четко обозначенными правами и обязанностями, сама неординарность (если не сказать: уникальность) эпистемологического поиска как формы человеческой деятельности диктует тем, кто в него вовлечен, исповедание неких общих мировоззренческих принципов и, в соответствии с этим, следование более или менее схожим нравственным нормам. Каким именно принципам и нормам – это можно попытаться установить, опираясь как на сохранившиеся высказывания самих ученых, так и на материалы историко-научных исследований. Задача эта представляется не только заслуживающей постановки, но и вполне разрешимой, пусть для начала и в первом приближении.

¹ Рассмотрению различных аспектов функционирования точных наук в традиционном обществе посвящен ряд ранее опубликованных нами работ, в частности: [Васечко, 2017; Васечко, 2019; Васечко, 2020].

CUDOS: сугубо новоевропейский феномен или универсальный кодекс академической деятельности?

Один из самых известных реестров норм, работающих в академической среде, был, как известно, предложен классиком социологии науки Робертом Мертоном и позднее получил обозначение CUDOS². За восемь десятилетий своей истории после первичного обнародования в 1942 г. в статье «Нормативная структура науки» кодекс Мертона пережил всякое: и период восторженного приятия, и различные модификации посредством «кооптирования» дополнительных норм или, наоборот, сведения к неким более фундаментальным принципам, и, наконец, жесткую критику, развенчивающую CUDOS как абстрактную, искусственную и никак не соответствующую реалиям научной жизни конструкцию. Тем не менее, сама исходная идея Мертона, как нам представляется, была и остается вполне жизнеспособной, а ее ценность и эффективность следует определять посредством обращения к некоторому достаточно конкретному социально-историческому типу.

Рассмотрение этики ученых, работавших в традиционных обществах, через призму кодекса Мертона может вызвать возражения, связанные с тем, что сам он имел предметом своего исследования сравнительно хорошо знакомую ему европейскую науку XVII–XIX вв., и выводы свои строил именно на материалах ее изучения³. Наука древних и средневековых цивилизаций Востока не находилась в поле его зрения и относительно нее у Мертона трудно узнать что-либо определенное. На этом основании считается вполне правомочным ограничить область компетенции императивов CUDOS только той наукой, которая развилась до уровня *социального института*. Экстраполяция мертоновского кодекса на «неинституциональные» формы когнитивной деятельности расценивается как отход и от буквы, и от духа концепции его автора [Кожанов, 2010].

Действительно, поскольку в концепции Мертона разворачивается представление о науке как социальном институте, его принято считать основоположником «институциональной» социологии науки. А в рамках институциональной парадигмы все исследования научной деятельности зиждутся на том представлении, что функционирование науки определяется поддержанием специфической системы ценностей и норм поведения, обеспечивающих своеобразие и стабильное функционирование данного института [Мирская, 2005, с. 12]. Однако, по нашему мнению, ограничивать применение некоторого инструментария только той областью, ради исследования которой он первоначально был

² Напомним, что классическая расшифровка этого сокращения имела в виду 4 императива: C – Communism (что во избежание ненужных ассоциаций переводилось у нас не только как «коммунизм», но и как «коммунализм» и «коллективизм»), U – Universalism («универсализм»), D–Disinterestedness («незаинтересованность», «бескорыстие»), OS – Organized Skepticism («организованный скептицизм»).

³ Одной из первых серьезных работ Мертона стала его диссертация «Наука, технология и общество в Англии XVII века», над которой он работал в 1933–1935 гг. Возможно, именно эта тема и побудила его к углубленным размышлениям о науке как социальном институте, занявшим одно из центральных мест в его социологических исследованиях.

выработан, контрпродуктивно. Утверждение, будто данная методика применима только здесь и более нигде, означает произвольное связывание рук исследователя. А категорическое суждение о том, что вот в этой конкретной сфере (в частности, в цивилизациях Индии и Китая, в средневековом арабо-мусульманском мире) указанные средства не работают, вообще можно делать лишь постфактум, после того как исследование с их помощью будет проведено, закончено и обнаружено.

Неразумность привязки этического кодекса, сформулированного Мертоном, только к одному социально-историческому типу научной деятельности, видна и из факта существования в разные периоды и в разных культурах сообществ, известных как «невидимые колледжи» («незримые коллегии»). Объединяя исследователей вокруг решения какой-либо назревшей проблемы (чаще всего группы родственных проблем) и создавая условия для ее решения посредством интенсивного совместного мозгового штурма, «невидимый колледж» большую часть времени существует именно как *неинституционализированное* сообщество, в котором в полную силу работают все мертоновские императивы – и коммунизм в виде максимальной взаимной открытости и доверия, и универсализм с его оценкой личности прежде всего по масштабу и качеству выдвинутых ею научных идей, и *бескорыстие*, предполагающее поиск истины без всяких предубеждений и свободу от влияния внеучебных интересов, и, наконец, *организованный скептицизм*, означающий предельную критичность по отношению как к работе коллег-соратников, так и к своей собственной. Собственно, только на заключительной стадии существования «невидимого колледжа», стадии институционализации⁴, когда место ученых по призванию все больше заполняют ученые «по профессии», данное сообщество по-настоящему обретает контуры социального института – со всеми его плюсами, но одновременно и минусами.

Тот факт, что лично Мертон был искренним противником авторитаризма и полагал, что наука может нормально развиваться лишь в условиях социальной свободы и политической демократии, не может служить аргументом против поисков императивов классического научного этоса в традиционных обществах. В каждую конкретную эпоху и в каждой конкретной стране складывается достаточно специфичная социально-политическая и культурно-образовательная конъюнктура, и во главе государства не обязательно стоит деспот-самодур на грани безумия, а иерархи, сановники и бюрократы отнюдь не поголовно душиатели свободной творческой мысли. Появление сравнительно просвещенного правителя, а порой и целой их династии или плеяды создает для эпистемологических исследований вполне благоприятные условия. А общие задачи,

⁴ Мы принимаем здесь ту интерпретацию динамики становления научной специальности, которая изложена в работах Э.М. Мирского (например, [Мирский, 2005, с. 347–349, 378–379]. Согласно этой точке зрения, «невидимый колледж» в своем развитии последовательно проходит четыре фазы: 1) нормальная фаза (будущие участники и небольшие группы работают относительно разрозненно), 2) формирование и развитие сети с единой системой коммуникаций, 3) интенсивное развитие программы нового направления, 4) институционализация новой специальности.

объединяющие «республику ученых», объективно требуют и таких этических стандартов, которые содействуют успеху исследовательской работы. Поэтому дух свободы и демократии, который ощущается в императивах CUDOS, вполне реально присутствует и во взаимоотношениях между субъектами научного дискурса. И здесь так же, как, допустим, в той же Англии XVII в., приветствуется и поощряется поведение, идущее на пользу науке и, соответственно, осуждаются действия, искажающие реальное положение вещей, и могущие повредить дальнейшим поискам истинного знания.

Хотя весьма значительную, если не большую часть своего времени исследователь должен посвящать индивидуальной работе, он не может обойтись без сотрудничества с теми, кто способен по достоинству оценить его наработки, указав сильные и слабые их стороны, и дать советы относительно перспектив дальнейших изысканий. Их, как правило, совсем мало, этих подвижников Истины, это всего лишь кучка людей – не всегда гонимая и преследуемая, но всегда немногочисленная⁵, но именно они находятся на острие научного прогресса, именно в их среде обсуждаются те проблемы, которые в случае своего успешного разрешения обозначат новые вехи в познании природы, человека и вообще универсума.

Эпистемологический «коммунизм» и наука традиционного общества

Коллегии интеллектуалов в восточных цивилизациях, как известно, явление типичное. Они, находясь под покровительством тех или иных влиятельных структур и личностей, функционируют практически повсеместно. Это и персонал «домов жизни» в Египте, укомплектованных образованными писцами высокой квалификации, и преподавательский состав индийских университетов эпохи распространения буддизма, и придворные академии китайских ванов и императоров, самая известная из которых, Ханьлинь, просуществовала свыше тысячи лет – с VIII по начало XX в., и, разумеется, группирующиеся вокруг дворцовых библиотек и обсерваторий и содержащиеся за счет государственной казны «Общества просвещенных» и «Дома науки» мусульманского Ближнего и Среднего Востока, образцом для которых стал Дом мудрости халифа аль-Мамуна в Багдаде IX в. [Старр, 2017, с. 157–160]. Но говорить о «коммунизме» как максиме, сплывающей воедино некоторый коллектив исследователей, можно применительно отнюдь не к каждой организации такого типа.

⁵ Этот факт регулярно констатируется самими учеными мужами там, где они делают отступления-рефлексии в своих трудах. Омар Хайям: «Мы были свидетелями гибели ученых, от которых осталась малочисленная, но многострадальная кучка людей. Суровости судьбы в эти времена препятствуют им всецело отдаться совершенствованию и углублению своей науки» [Омар Хайям, 1961, с. 70]. Ибн Рушд: «На этом я завершаю свой труд, нижайше умоляя простить за его длинноты, в особенности же если и они не позволили открыть всей истины тем, кто ее достоин (а таких, как говорил Гален, один на тысячу)...» [Аверроэс, 1999, с. 510].

Полная взаимная открытость и максимальная доверительность, благодаря которым интеллектуальное напряжение достигает наивысшей степени и позволяет совершить значимый эпистемологический прорыв, предполагают гораздо более близкое межличностное общение, интенсивное обсуждение некоторой общей и актуальной для участников дискурса проблемы. Членство же в данном коллективе, скорее всего, будет носить неформальный характер и, помимо персон с определенным официальным статусом, здесь вполне могут оказаться и лица без оного, сугубо частные, просто близкие всем остальным по своим когнитивным интересам. Только при таком условии собственность на получаемые в процессе научного поиска интеллектуальные продукты оказывается по-настоящему коллективной, «коммунальной», а споры о размерах чьего-то личного вклада и первооткрывательском приоритете отходят на второй план.

Очевидно, что в традиционном социуме «эпистемологический коммунизм», в целом, ограничен рамками отдельного исследовательского коллектива. Ученые, занятые когнитивными проблемами, объединяющими их в данную «коммуну», не торопятся сделать ее членами всех подряд, и здесь у них свой резон: знание, прежде времени обнародованное, тем более если оно еще «сырое», не вполне ясное самим передовым разработчикам, может быть неадекватным образом истолковано даже наиболее продвинутыми из профанов и внести в академический мир, а затем с большой вероятностью и в весь социум смуту и распри. Поэтому сдержанное, осторожное, продуманное отношение к тому, чтобы поделиться новыми знаниями с теми, кто, собственно, никак не участвовал в их получении и потому обычно просто не в состоянии уразуметь их смысл, рассматривается как позиция вполне оправданная и даже единственно разумная. Когда, к примеру, Аристотель у аль-Фараби извиняется перед Платоном за обнародование своих изысканий в виде полного собрания сочинений [Аль-Фараби, 1970а, с. 12; Аль-Фараби, 1970б, с. 52], ссылаясь на то, что, мол, все равно поймут эти книги только те, кому это можно и нужно, данный казус заслуживает того, чтобы играть роль достаточно генерализованной максимы: не всякое знание есть (должно быть) предмет(ом) общенародного достояния. Или, если точнее: владеть, пользоваться и распоряжаться знанием имеет право только тот коллективный субъект, который сам получил его – либо в наследство от своих предшественников, либо благодаря собственным когнитивным усилиям.

В сравнительно редко цитируемом тексте Ибн Сины, небольшой аллегории «Послание о птицах», также налицо этические императивы, предполагающие функционирование эпистемологической коммуны как самостоятельной и осознающей свое отличие от окружающего социума коллаборации. Автор «Птиц», обращаясь к своим сподвижникам и единомышленникам, напоминает, что их взаимоотношения совсем не таковы, как утилитарные связи обычных людей, у которых дружба – это товар, а к другу прибегают лишь тогда, когда к этому побуждает необходимость: «Но вы не таковы, братья, которых соединило божественное сродство душ, которых сроднило соседство с истиной. Они узрели прозорливым оком истину, они отряхнули грязь и пепел сомнения, изгнав его из сердца... О братья истины, вставайте, побуждая друг друга,

пусть каждый из вас откроет покров своей тайны для другого, пусть каждый из вас узнает помыслы другого, чтобы вы стали совершенными, одни благодаря другим» [Шидфар, 1981, с. 126]. Но герой аллегии не только мыслит членов «братства истины» как единое целое, но еще и указывает на их качественное отличие от тех, кто чужд истине и от кого до поры до времени следует скрывать то, что уже открыто и исследовано «братьями»: «О братья истины, укройтесь масками, как укрывается иглами дикобраз, явите то, что скрыто, скройте то, что явно. Богом клянусь, явное – это то, что скрыто, а скрытое – то, что явно» [там же].

Очевидно, что члены референтной группы, к которой адресуется Ибн Сина, весьма напоминают английских интеллектуалов блестящей эпохи Фрэнсиса Бэкона, Роберта Бойля, Кристофера Рена, Роберта Гука и Исаака Ньютона. Как те, так и эти ученые мужи не только предельно открыты друг для друга, не только совершенно свободны в обмене идеями и мнениями, но и достаточно ответственны в плане своих публичных действий и потому не спешат оповещать мир о сделанных ими открытиях. «Коммунизм» как «братьев истины» Авиценны, так и немногочисленного кружка последователей Ф. Бэкона предполагает, с одной стороны, совместную и равную собственность на продукты интеллектуального труда – в рамках своего тесного содружества, но, с другой стороны, и осознание того, что преждевременное раскрытие секретов перед профанами может иметь губительные последствия для когнитивного дискурса, а по большому счету и для социума в целом⁶.

Успех коллективной работы во многом зависит от того, насколько откровенно обмениваются ученые своими знаниями, насколько они доверяют друг другу. Функционирование крупных научных комплексов, среди которых выделяются обсерватории, на которых работало, как правило, порядка нескольких десятков подготовленных специалистов, не могло осуществляться без тесных контактов между учеными, причем, масштабы исследований порой были таковы, что требовалось привлечение высокопрофессиональных коллег из самых далеких стран – естественно, на взаимобразной основе. Это же относится и к реализации разовых грандиозных проектов типа геодезических измерений дуги меридиана, проведенных в 725 г. под руководством Нань Гун-шо в Китае и охвативших территорию от Индокитая до Монголии, а веком позже повторенных в Месопотамии по приказу и финансовой поддержке аль-Мамуна [Старцев, 1961, с. 94–96; Сираждинов, Матвиевская, 1983, с. 9]. Не менее важна взаимная открытость и в более скромной, незаметной (зато часто при малых затратах не менее результативной) работе – при проведении, например, таких точных наблюдений, когда астрономы должны находиться на значительном

⁶ Укажем в этой связи на такой любопытный факт. В XVII в. занятия алхимией еще рассматриваются как вполне уместные в формате эпистемологического дискурса, и им отдают дань многие ведущие ученые, включая Ньютона. Но, подобно алхимикам средневековья, они стараются не слишком распространяться об этих вещах, поэтому в 1675 г. Ньютон пишет письмо Г. Ольденбургу, секретарю Лондонского королевского общества, по поводу некоторых намеков Р. Бойля на возможность получения золота из других металлов, где выражает убежденность, что Бойлю следует держать свои методы в секрете, иначе его способ принесет огромный вред [Кузнецов, 1982, с. 69].

расстоянии друг от друга. Так, в 997 г. живший в Ургенче, столице Хорезма, Бируни сумел договориться с находившимся на тот момент в Багдаде Абу-л-Вафой ал-Бузджани, и двое ученых мужей одновременно наблюдали предвычисленное лунное затмение, что позволило установить довольно значимый для науки факт: «Сравнение [результатов] этих двух работ привело к тому, что между полуднями [этих городов] приблизительно один «прямой» час» [Бируни, 1966, с. 234], то есть примерно 15° разницы по долготе, что хорошо согласуется и с современными данными.

Эпистемологическая коммуна: вне границ пространства и времени

Работающий в одном определенном месте и физически оторванный от своих соратников, находящихся в других городах и странах, ученый не теряет духовной связи с ними, помнит о них и рассчитывает на то внимание, с которым в более или менее близком будущем будет встречен его труд. Собственно, его мысленный диалог с единомышленниками, с которыми он временно разлучен, не прекращается, равно как и сознание того, что все они члены одного братства, все делают одно общее дело и потому должны, как могут, помогать друг другу в своих поисках, обмениваясь новообретенными методами и находками. Об этом мы также находим ясное свидетельство у того же Бируни, пишущего в предисловии к одному своему математическому трактату: «Что же касается множественности методов [в этой книге], то причиной, побудившей меня собрать их [здесь], является тренировка обучающегося через их разнообразие, а затем – объединение. [Я собрал их также] и потому, что они были мне любезны на чужбине, и дабы побеседовать [на страницах] с друзьями, с которыми я разлучился, в знак памяти [о них]» [Бируни, 1987, с. 28].

Однако «эпистемологический коммунизм» предполагает чувство ответственности за свои действия не только перед лично знакомыми автору коллегами по дискурсу и даже не только перед совсем незнакомыми ему современниками, которые рано или поздно прочтут и будут квалифицированно разбирать и оценивать созданный им текст. Индивид глубоко ощущает свою связь с родственными ему душами не только в пространстве, но и во времени, и потому, как живой с живыми, ведет диалог и с теми своими товарищами, которые уже давно покинули этот мир, оставив память о себе в виде своих трудов и отзывов современников. Не только интеллигентно, но и почти физически он видит себя продолжателем дела, начатого его предшественниками не один век назад, и Ньютон своим знаменитым изречением («Если я видел дальше других, то это потому, что стоял на плечах гигантов»)⁷ лишь повторяет то, что вполне могли сказать и ученые, жившие в разных концах азиатского материка задолго до него.

⁷ Весьма симптоматично, что и Мертон в своей характеристике «коммунизма» приводит это замечание Ньютона, добавляя, что оно «одновременно выражает и чувство долга перед общим наследием, и признание кооперативного по своей сути и кумулятивного в своей избирательности качества научных достижений» [Merton, 1973, p. 274–275].

«Эпистемологический коммунизм» есть условие и такого важного признака научного познания, как *кумулятивизм*. Взгляд на себя как на отдельного представителя дружной когорты людей, пусть и разбросанных в пространстве и времени, но объединенных общими целями и задачами, означает и бережное, внимательное отношение к тому, что получено мной в наследство от действовавших ранее: ничто ценное из того, что было ими найдено, не должно пропасть, и если какая-то их идея на данный момент не находит себе подтверждения или применения, то это еще не повод для того, чтобы отвергнуть ее и навсегда забыть. Она должна быть сохранена с тем, чтобы уже будущие поколения исследователей, вернувшись к ней, постарались оценить ее по достоинству и, возможно, увидеть в ней то, что пока не обнаружило себя. Прямая же задача поколения нынешнего – постараться продвинуться вперед, пусть и ненамного, по сравнению с предшественниками, обогатить и расширить корпус полученного в наше распоряжение знания. Это понимают на Ближнем Востоке: уже ученые-перипатетики рассматривают историю науки как важный компонент научного знания и потому стремятся не только физически сохранить тексты своих учителей, но и постоянно обращаются к ним, перечитывая их, переосмысляя и комментируя. Но это понимают и на Дальнем Востоке, в Поднебесной, где среди определяющих критериев научности, согласно Дж. Нидэму, также фигурируют кумулятивность и кооперативность в собирании и передаче информации [Кобзев, Гордон, 2009, с. 779]. И это хорошо видно на примере китайских математиков, лучшие из которых не считают, что история их науки началась с них самих или их непосредственных наставников, но разыскивают уцелевшие древние тексты и путем их языковой адаптации и комментирования возвращают в современный дискурс⁸.

Дань уважения к предшественникам не просто декларируется, как формальный и мало к чему обязывающий реверанс, но и выражается в таком же отношении к ним, как и к ныне живущим собратьям. Бируни оценивает авторов, уже ушедших из жизни, по столь же четким критериям, что и современников, стараясь относиться к ним максимально объективно. Признавая, например, неоспоримые достоинства естественнонаучных трудов Мансура ибн Талхи, он относится к ним достаточно критически: «Мансур... при обилии его заслуг, более тверд в естественных науках и в звездных предсказаниях, нежели в математических науках. Астрономия – не по его возможностям, и в ней он пользуется лишь старыми традициями, хотя в целом [он] надежный [ученый]» [Бируни, 1966, с. 129, 241]. Там, где нужно, Бируни стремится восстановить справедливость, если какая-то идея не получает заслуженного признания, как, скажем, метод вычисления солнечного апогея, разработанный его наставником Абу-Насром ибн Ираком: «В «Книге свидетельств о расхождении астрономи-

⁸ Так, благодаря жившему в III веке Лю Хую, основному комментатору «Математики в девяти книгах», сохранились и актуализировались находки ученых давно минувших веков, а Ван Сяо-тун (VII в.) в сочинении с примечательным названием «Математический трактат о продолжении древних [методов]» не только воспроизводит старинные способы решения алгебраических задач, но и идет дальше, давая собственный метод решения уравнений третьей степени [Березкина, 2013, с. 20, 24–25, 34–36, 62–65; Ван Сяо-тун, 1975].

ческих наблюдений» я установил, что этот способ настолько же превосходит учение современных [астрономов], насколько их учение превосходит учение древних» [Бируни, 1957, с. 183]. Обрушиваясь на тех, кто, по его мнению, позорит высокое звание служителя науки, он крайне аккуратен в ссылках на труды своих предшественников, не делая различия между ними и современниками. Бируни, как признают историки, «всегда отмечает заимствованные данные, указывает автора и ради точности ссылки часто цитирует использованное сочинение. В случае, если он не читал его сам, а слышал содержание в чьем-либо пересказе, Бируни считает необходимым особо отметить этот факт. Он никогда не скупится на похвалу своему собрату по науке, если считает ценными полученные им результаты» [Сираждинов и др., 1973, с. 15].

Памятуя о том, что процесс познания мира бесконечен, что всякий его продукт относителен и не может рассматриваться как абсолютный и окончательный, ученый постоянно имеет в виду и то, что реестр членов исследовательской «коммуны» не может быть закрытым. Он включает в себя не только тех авторов прошлого и настоящего, которые по каким-то причинам пока находятся за скобками дискурса (например, авторы забытых или еще не найденных сочинений, имеющих отношение к разрабатываемой проблеме), но и, что особенно важно, тех, кто подключится к обсуждению нынешней тематики позднее – спустя, может быть, век, два и более. Отношение к этим еще не родившимся членам «республики ученых» – такое же доверительное, уважительное, товарищеское, как и ко всем остальным, их воспринимают как равных и потому проявляют о них должную заботу, чтобы облегчить им неизбежный и непростой труд, помочь войти в когнитивный процесс с наименьшими издержками и потерями.

Ощущение живой связи рефлексирующего субъекта как с прошлыми, так и с будущими поколениями единомышленников, совершенно ясно присутствует у аль-Хорезми, что видно из собственных его слов: «Ученые прошлых времен и ушедших народов не переставали писать книги по различным разделам науки и отраслям философии, имея в виду тех, кто будет после них, рассчитывая на награду соразмерно своим силам и надеясь, что они будут вознаграждены славой и памятью и им достанется из правдивых уст похвала, по сравнению с которой ничтожны взятые ими на тебя труды и тяготы, принятые ими для раскрытия сокровенных тайн науки. Один из них опередил других в том, что не разрабатывалось до него, и оставил это в наследие тем, кто придет после него. Другой комментирует труды его предшественников и этим облегчает трудности, открывает закрытое, освещает путь и делает это более доступным. Или же это человек, который находит в некоторых книгах изъяны и соединяет разъединенное, думая хорошо о своем предшественнике, не заносясь перед ним и не гордясь тем, что сделал» [Цит. по: Матвиевская, 2012, с. 98]. Как видим, ал-Хорезми условно различает здесь три роли, одну из которых по преимуществу играет данный конкретный индивид – участник когнитивного дискурса: 1) исследователь-первооткрыватель, 2) комментатор, 3) критик-аналитик. Несмотря на функциональное различие этих ролей, они эффективно дополняют друг друга и служат единой цели, а их носители суть равноправные сочлены «коммуны», увлеченной процессом научного творчества.

Ответственность перед будущими соратниками, которые, скорее всего, никогда не смогут лично общаться со своими учителями, ничуть не меньше, чем перед ныне живущими и перед давно ушедшими. Вот почему еще сравнительно молодой Бируни, предвзяв один из первых своих трактатов, посвященный сравнительному анализу различных способов летоисчисления, с благодарностью вспоминает одного из своих старших товарищей, подвигшего его к созданию этого капитального труда: «Он настойчиво побуждал меня изложить эти [сведения] наивозможно ясным образом, чтобы они стали близки пониманию изучающего и избавили его от необходимости одолевать различные книги и расспрашивать тех, кого следует» [Бируни, 1957, с. 8]. Вот почему, наконец, и Хайям не доводит в одном из трактатов до конца свое геометрическое построение, ссылаясь на его трудность, но, признав это, как бы вступает в диалог с будущими читателями и призывает их, вооружившись предложенным им теоретическим инструментарием, продолжить начатую им работу и показать, на что они способны: «Пусть доведет это до конца тот, кто захочет, из ученых, знакомых с коническими сечениями, после того как я дал ему метод, упоминаемый мной, и хотя он также будет нуждаться в предпосылках из [теории] конических [сечений], он намного легче первого и его предпосылки более всеохватывающие по своей пользе» [Омар Хайям, 1963, с. 447].

Контрастом по отношению к свободному, предельно раскованному общению в кружке немногочисленных, зато духовно близких соратников по курсу, выступает ситуация, когда индивид вообще лишается возможности вступать в живой диалог с окружающими, видя в них (и часто не без оснований) не друзей или хотя бы благожелательных партнеров, а заурядных карьеристов, одержимых желанием оклеветать, подставить или просто использовать коллегу в своих, не имеющих ничего общего с наукой, интересах. Трагизм положения и страдания ученого, вынужденного, в лучшем случае, ограничить свое академическое общение книгами и «писать в стол», с наибольшей глубиной и силой выразил Хайям:

Много мыслей в моей голове, но увы:
Если выскажу их – не сносить головы!
Только эта бумага достойна доверья.
О друзья, недостойны доверия вы!

[Омар Хайям, 1982, с. 216]

Впрочем, поскольку всякое исключение призвано подтверждать правило, постольку и данные признания и оценки следует трактовать как свидетельства пагубности для науки и для отдельных ученых отступлений от императива «эпистемологического коммунизма». Нормой подобные суждения становятся лишь в период гонений на настоящую науку, когда заканчиваются сравнительно благоприятные для нее времена, а подобных случаев в истории традиционных цивилизаций было предостаточно. Но «норма» это – только в смысле массовидности, повсеместности, распространенности таких пессимистически-критических ламентаций, но никак не в смысле их морального должностования, этической ценности. Нормой дискурса, хоть и все более практически попираемой, эмпирически все менее целесообразной, везде остается

«коммунизм», и серьезный успех сопутствует индивидуальной деятельности лишь там, где индивид действует в творческом союзе с единомышленниками и при активной поддержке с их стороны. Желательнее всего, конечно, непосредственно живой или хотя бы эпистолярный контакт, но и там, где он утрачен, его до некоторой степени может компенсировать виртуальная поддержка со стороны тех, кто когда-то шел тем же самым путем познания и оформил текстуально посылы, ход и результаты своей исследовательской работы.

Заключение

Имеющиеся в распоряжении историка науки данные позволяют с высокой долей уверенности утверждать, что поведенческая максима, фигурирующая в этическом кодексе Р. Мертона как «*эпистемологический коммунизм*» («*коммунализм*», «*коллективизм*»), эффективно работает в условиях традиционного общества, облегчая контакты между исследователями и формируя общий позитивный морально-психологический климат в исследовательских коллективах. Нарушения этических принципов, имплицитно предполагаемых этой максимой (таких, как полное взаимное доверие и равноправие между участниками дискурса, уважение к достигнутым другими результатами, приоритет общих целей над личностной конкуренцией и т.д.) воспринимаются как измены духу науки и поведению, достойное порицания. Членами исследовательской коммуны полагаются не только реально живущие люди, выступающие в различных когнитивных ролях (первопроходцев, комментаторов, экспертов, аналитиков или популяризаторов), но и лица, представленные виртуально: либо авторы сохранившихся сочинений, определяющих формат и проблемное поле исследуемого эпистемологического фрагмента, либо будущие продолжатели исследования, которые подключатся к нему спустя некоторое время и, вероятно, справятся с проблемами, оставшимися к настоящему моменту неразрешенными. Несмотря на межличностные и межгрупповые конфликты, сопровождающие исследовательскую работу, взгляд на знание как на общую, коммунальную собственность содружества ученых или, в крайнем случае, данного их коллектива, является важным фактором результативности научных поисков, а приватизация знания и его тотальное засекречивание, характерное для периодов научного застоя, сопровождается разрывом контактов между субъектами дискурса и угасанием интереса к кардинальным, прорывным, новаторским эпистемологическим проблемам.

Список литературы

Аверроэс, 1999 – *Аверроэс (Ибн Рушд)*. Опровержение опровержения. Киев: УЦИММ-Пресс; СПб.: Алетейя, 1999. 688 с.

Аль-Фараби, 1970а – *Аль-Фараби*. О том, что должно предшествовать изучению философии // *Аль-Фараби*. Философские трактаты. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 1–14.

Аль-Фараби, 1970б – *Аль-Фараби*. Об общности взглядов двух философов – Божественного Платона и Аристотеля // *Аль-Фараби*. Философские трактаты. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 39–104.

- Березкина, 2013 – *Березкина Э.И.* Математика древнего Китая. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 312 с.
- Беруни, 1987 – *Беруни А.Р.* Об определении хорд в круге посредством свойств ломаной линии в нем // *Беруни А.Р.* Избранные произведения. Т. VII. Ташкент: Фан, 1987. С. 25–77.
- Бируни, 1957 – *Бируни А.Р.* Памятники минувших поколений // *Бируни А.Р.* Избранные произведения. Т. I. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 488 с.
- Бируни, 1966 – *Бируни А.Р.* Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [Геодезия] // *Бируни А.Р.* Избранные произведения. Т. III. Ташкент: Фан, 1966. 364 с.
- Ван Сяо-тун, 1975 – *Ван Сяо-тун.* Математический трактат о продолжении древних (методов) / Пер. с древнекит. и примеч. Э.И. Березкиной // Историко-математические исследования. Вып. XX. М.: Физматгиз, 1975. С. 329–371.
- Васечко, 2017 – *Васечко В.Ю.* Ученый в политарном обществе: альтернативы нравственного выбора // *Virtus. Scientific Journal.* 2017. Nov. Iss. 18. С. 15–21.
- Васечко, 2019 – *Васечко В.Ю.* Этноконфессионализм иерократа и универсализм «ученого профана»: к характеристике эпистемологического дискурса в политарном обществе // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 75–89.
- Васечко, 2020 – *Васечко В.Ю.* Наука под патронажем кесаря-политарха // *Антиномии.* 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 69–88.
- Кобзев, Гордон, 2009 – *Кобзев А.И., Гордон А.В.* Нидэм // *Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. Т. 5.* М.: Вост. лит., 2009. С. 777–788.
- Кожанов, 2010 – *Кожанов А.А.* Рецепция идей Роберта Мертона в развитии социологии науки // *Выступление в рамках круглого стола Европейского университета в Санкт-Петербурге «Основание социологии науки: к 100-летию со дня рождения Роберта Мертона», состоявшегося 7 мая 2010 г.* URL: <http://www.hse.ru/data/2010/05/15/1217202748.pdf> (дата обращения: 28.07.2021).
- Матвиевская, 2012 – *Матвиевская Г.П.* Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке. М.: URSS, 2012. 344 с.
- Мирская, 2005 – *Мирская Е. Р.К.* Мертон и этос классической науки // *Философия науки.* Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 11–27.
- Мирский, 2005 – *Мирский Э.М.* Наука как социальный институт // *Основы философии науки.* М.: Академический проект, 2005. С. 305–382.
- Омар Хайям, 1982 – *Омар Хайям.* Рубайят / Пер. Г. Плисецкого // *Родник жемчужин: Персидско-таджикская классическая поэзия. Переводы с фарси; сост. М.-Н.О. Османов.* М.: Моск. рабочий, 1982. С. 167–241.
- Омар Хайям, 1961 – *Омар Хайям.* Трактат о доказательствах задач алгебры и алмукабалы // *Омар Хайям.* Трактаты. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 69–112.
- Омар Хайям, 1963 – *Омар Хайям.* [Первый алгебраический трактат] // *Историко-математические исследования.* Вып. XV. М.: Физматгиз, 1963. С. 445–472.
- Сираждинов, Матвиевская, 1983 – *Сираждинов С.Х., Матвиевская Г.П.* Ал-Хорезми – выдающийся математик и астроном средневековья. М.: Просвещение, 1983. 79 с.
- Сираждинов и др., 1973 – *Сираждинов С.Х., Матвиевская Г.П., Ахмедов А.* Математика и астрономия у Беруни. Ташкент: Фан, 1973. 48 с.
- Старр, 2017 – *Старр С.Ф.* Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. М.: Альпина Пабlishер, 2017. 574 с.
- Старцев, 1961 – *Старцев П.А.* Очерки истории астрономии в Китае. М.: Физматгиз, 1961. 156 с.
- Шидфар, 1981 – *Шидфар Б.* Ибн Сина. М.: Наука, 1981. 184 с.
- Merton, 1973 – *Merton R.K.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. 630 p.

“Communism” maxim in Robert Merton’s code of ethics and its effect in the epistemological discourse of the traditional society

Vyacheslav Yu. Vasechko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 16 S. Kovalevskaya Str., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation; e-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

The article examines one of the maxims of the code of scientific ethos, formulated in 1942 by R.K. Merton, namely “communism” (translated in Russian also as “communalism” and “collectivism”). Although the Merton Code was derived from the study of relationships among European scientists since the 17th century, the author substantiates the possibility of using this maxim to characterize the communication that develops between the subjects of epistemological discourse in traditional society, primarily in the civilizations of the ancient and medieval East (ancient Egypt and Babylon, India, China, the Arab-Muslim world). The epistemological dimension of “communism” is rendered relevant, provided that the research community, a community of researchers, is united by common cognitive and professional attitudes. This commune covers not only real-life people performing in various cognitive roles (pioneers, commentators, experts, analysts or popularizers), but also individuals represented virtually. The latter are either the authors of the surviving works, determining the format and problem field of definite epistemological fragment, or future successors of the study, which will connect to it after a while. Violations of ethical principles implicitly perceived by this maxim (such as full mutual trust and equality among study participants, respect for results achieved by others, the priority of common goals over personal competition, etc.) are perceived as treasonous to the spirit of science and behavior worthy of censure. Despite interpersonal and inter-group conflicts accompanying the research work, the view of knowledge as a common, communal property of a commonwealth of scientists or, at least, this team, is an important factor in the effectiveness of scientific research. On the contrary, the privatization of knowledge and its total secrecy, characteristic of periods of scientific stagnation, is accompanied by a break of contacts between the subjects of discourse and the fading of interest in cardinal, breakthrough, innovative epistemological problems.

Keywords: norms of scientific ethos, R.K. Merton, epistemological discourse, traditional society, communism, research commune, invisible college, cumulativism

References

Al’-Farabi. ‘O tom, chto dolzhno predshestvovat’ izucheniju filosofii’ [About what should precede the study of philosophy]. In: Al’-Farabi, *Filosofskie traktaty* [Philosophical treatises], Alma-Ata: Nauka Publ., 1970, pp. 1–14. (In Russian)

Al’-Farabi. ‘Ob obshhnosti vzgljadov dvuh filosofov – Bozhestvennogo Platona i Aristotelja’ [On the common views of two philosophers – divine Plato and Aristotle]. In: Al’-Farabi, *Filosofskie traktaty* [Philosophical Treatises]. Alma-Ata: Nauka, 1970, pp. 39–104. (In Russian)

Averrojes (Ibn Rushd). *Oproverzhenie oproverzhenija* [Refutation of Refutation], Kiev: UCIMM-Press Publ.; St. Petersburg: Aletejja Publ., 1999, 688 pp. (In Russian)

Berezkina, Je.I. *Matematika drevnego Kitaja* [Mathematics of ancient China], Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2013, 312 pp. (In Russian)

Beruni, A.R. ‘Ob opredelenii hord v krugе posredstvom svojstv lomanoj linii v nem’ [On the definition of chords in a circle through the properties of a broken line in it]. In: Beruni, A.R.

Izbrannye proizvedenija [Selected Works], Vol. VII. Tashkent: Fan Publ., 1987, pp. 25–77. (In Russian)

Biruni, A.R. ‘Opređenje granic mest dlja utocnenija rasstojanij mezhdu naselennymi punktami [Geodezija]’ [Determining the boundaries of places to clarify the distances between settlements [Geodesy]]. In: Biruni, A.R. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Vol. III. Tashkent: Fan Publ., 1966, 364 pp. (In Russian)

Biruni, A.R. ‘Pamjatniki minuvshih pokolenij’ [Monuments of past generations]. In: Biruni, A.R. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works], Vol. I. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR Publ., 1957, 488 pp. (In Russian)

Kobzev, A.I., Gordon, A.V. ‘Nidjem’ [Needham]. In: *Duhovnaja kul’tura Kitaja: Jenciklopedija* [Spiritual culture of China: encyclopedia], Vol. 5. Moscow: Vost. lit. Publ., 2009, pp. 777–788. (In Russian)

Kozhanov, A.A. *Recepcija idej Roberta Mertona v razvitii sociologii nauki* [The reception of Robert Merton’s ideas in the development of sociology of science] (Paper presented at the round table “The foundation of the sociology of science: 100 years anniversary of Robert Merton” (Saint Petersburg European University, May 7th 2010). URL: www.hse.ru (accessed 28.07.2021). (In Russian)

Matvievskaja, G.P. *Uchenie o chisle na srednevekovom Blizhnem i Srednem Vostoke* [Teachings on numbers in the Medieval Middle East]. Moscow: URSS Publ., 2012, 344 pp. (In Russian)

Merton, R.K. *The sociology of science: theoretical and empirical investigations*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1973, 630 pp.

Mirskaja, E. R.K. ‘Merton i jetos klassicheskoj nauki’ [R.K. Merton and the ethos of classical science]. In: *Filosofija nauki* [Philosophy of Science], Iss. 11. Moscow: IF RAN Publ., 2005, pp. 11–27. (In Russian)

Mirskij, Je.M. ‘Nauka kak social’nyj institut’ [Science as social institute]. In: *Osnovy filosofii nauki* [Principles of philosophy of science]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2005, pp. 305–382. (In Russian)

Omar Hajjam. ‘Pervyj algebraicheskiy traktat’ [First algebraic treatise], *Istoriko-matematicheskie issledovanija* [Historical and Mathematical Research], Iss. XV. Moscow: Fizmatgiz Publ., 1963, pp. 445–472. (In Russian)

Omar Hajjam. ‘Rubajjat’ [Rubayat], trans. by G. Pliseckij. In: *Rodnik zhemchuzhin: Persidsko-tadzhikskaja klassicheskaja poezija* [Pearl spring: Persian-Tajik classical poetry], trans. from Farsi, comp. by M.-N.O. Osmanov. Moscow: Mosk. Rabochij Publ., 1982, pp. 167–241. (In Russian)

Omar Hajjam. ‘Traktat o dokazatel’stvah zadach algebrы i almukabaly’ [Treatise on evidence of Algebra and Almucabala]. In: Omar Hajjam. *Traktaty* [Treatises]. Moscow: Izdatel’stvo vostochnoj literatury Publ., 1961, pp. 69–112. (In Russian)

Shidfar, B.Ya. *Ibn Sina* [Ibn Sina]. Moscow: Nauka Publ., 1981, 184 pp. (In Russian)

Sirazhdinov, S.H., Matvievskaja, G.P. *Al-Horezmi – vydajushhijsja matematik i astronom srednevekov’ja* [Al-Khorezmi – outstanding mathematician and astronomer of the Middle Ages]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1983. 79 p. (In Russian)

Sirazhdinov, S.H., Matvievskaja, G.P., Ahmedov, A. *Matematika i astronomija u Beruni* [Biruni’s mathematics and astronomy]. Tashkent: Fan Publ., 1973, 48 pp. (In Russian)

Starcev, P.A. *Ocherki istorii astronomii v Kitae* [Essays on History of Astronomy in China]. Moscow: Fizmatgiz Publ., 1961, 156 pp. (In Russian)

Starr, S.F. *Utrachennoe Prosveshhenie: Zolotoj vek Central’noj Azii ot arabskogo zavoevanija do vremen Tamerlana* [Lost Enlightenment: Central Asia’s Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane], trans. from English. Moscow: Al’pina Publisher Publ., 2017, 574 pp. (In Russian)

Van Sjaot-tun. 'Matematicheskij traktat o prodolzhenii drevnih (metodov)' [Mathematical treatise on the continuation of the ancient (methods)], trans. by Je.I. Berezkina, *Istoriko-matematicheskie issledovanija* [Historical and mathematical research], Iss. XX, Moscow: Fizmatgiz Publ., 1975, pp. 329–371. (In Russian)

Vasechko, V.Ju. 'Jetnokonfessionalizm ierokrata i universalizm «uchenogo profana»: k harakteristike jepistemologicheskogo diskursa v politarnom obshhestve' [Ethno-confessionalism of the hierocrat and universalism of the "scientist profane": to the Characteristic of Epistemological Discourse in a politary society], *Narody i religii Evrazii* [Peoples and Religions of Eurasia], 2019, № 2 (19), pp. 75–89. (In Russian)

Vasechko, V.Ju. 'Nauka pod patronazhem kesarja-politarha' [Science under Caesar-Politarh's patronage], *Antinomii*, 2020, Vol. 20, Iss. 1, pp. 69–88. (In Russian)

Vasechko, V.Ju. Uchenyj v politarnom obshhestve: al'ternativy npravstvennogo vybora [Scientist in a politary society: alternatives to moral choice], *Virtus. Scientific Journal*, 2017, Iss. 18, pp. 15–21. (In Russian)